

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ТЕМЫ» И «РЕМЫ»
С ПОНЯТИЯМИ «ДАННОГО» И «НОВОГО»
В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ
(на материале испанских текстов)**

Г. С. Масюткина

Понятия «темы» как исходной части высказывания (как предмета сообщения, того, о чем сообщается в предложении) и «ремы» как коммуникативной сути высказывания (того, что сообщается о теме) не совпадают с понятиями «данного» и «нового», которые часто употребляются в лингвистической литературе по актуальному членению, или коммуникативной перспективе предложения.

Понятие «темы» в одном отношении шире понятия «данного», в другом – уже. Так «данным», или «известным», по определению Фр. Данеша, является информация, полученная или извлеченная из контекста, ситуации или общего фонда знаний участников акта коммуникации (например, говорящего и слушающего) [1, с. 3]. Понятие «темы» шире понятия «данного» в том смысле, что тематичная часть высказывания может не только обозначать данное, известное, но также и неизвестное, новое для адресата сообщения. М. А. Хэллiday суммирует это различие следующим образом: «...В то время как данное обозначает «о чем вам уже говорили» (или «о чем я уже говорил раньше»), тема означает «о чем я говорю сейчас» (или «что я говорю о новом») [2, с. 2].

В развитии тематической канвы текста можно наметить несколько видов тем, различающихся характером заданности, известности для адресата сообщения, читателя или слушателя.

а) Контекстуально предупоминаемая тема представляет собой семантическую информацию, упоминаемую каким-либо образом в некотором предшествующем фрагменте текста. При этом выделяется прямая и косвенная предупомянутость. См. замечание К. Г. Крушельницкой: «Необходимо сделать оговорку, что известность понимается в данном случае как самое общее отношение. Ее источник, характер, степень не имеют принципиального значения для коммуникативного задания. Известность может быть не прямой, а косвенной, когда, например, известность частей предмета обусловлена известностью целого» [3, с. 58]. Прямое предупоминание представляет не только идентичное словес-

ное оформление, но и синонимичные выражения и перифразы. Ср., например: El teniente observó a su asistente. *El asistente* calló. (El cuento); Se oye la risa de la corriente. *La lluvia* ha engordado el río. (El cuento); ... Era este caballero un hombre rico que esperaba de un momento a otro, en los días de la Revolución, ser llevado al cadalso... *La muerte* no vino (Azorín, 1948).

Косвенное предупоминание основывается на различного рода импликациях (например, отношениях, возникающих между видовыми и родовыми понятиями, частью и целым, ассоциативных отношениях). Ср.: Por la puerta asoma una mujer envejecida y amarga. *Sus ojos* oscuros centellean (J. Goytisolo); En el centro de estos campos desolados ... alzabase la barraca... *Las paredes*, arañadas por las aguas, mostraban sus adornos de barro crudo (B. Ibáñez, 1973); Lo que se veía era una anchurosa laguna... *Las aguas*, retrataban el cielo azul y limpio (Azorín, 1953).

б) Тема, извлеченная из содержания предшествующего контекста. Ср.: ... La obra de la codicia lo despojó de su patrimonio. *La idea* la sugirió un tal coronel Apolinar... (R. Gallegos); Mientras tanto, Blumhardt le hablaba acariciándole las mejillas con sus manazas de hombre de pelea. A Desnoyers le conmovió esta visión (B. Ibáñez, 1971).

в) Тема, производная от гипертемы абзаца или других делений (частей) текста. В данном случае речь идет о наличии в тексте семантически близких понятий, обусловленных общностью ситуации, наиболее характерным примером которой являются пейзажные описания [4, с. 84]. При таком строе контекста темы отдельных предложений представляют собой различные стороны единой общей темы всего контекста [5, с. 2]. Ср. примеры из испанских текстов: *La calibre 50* vomitaba fuego... *Los tanques* bloqueaban el camino... *La metralla* iluminaba el campo (El cuento); *El sol* ha comenzado a bajar... *La luz* respeta la variedad de matices. *Las casas* ya no son uniformemente blancas y *el azul* del cielo se intensifica (J. Goytisolo).

г) Тема, извлеченная из ситуации и общего фонда знаний участников акта коммуникации (автора и адресата сообщения, говорящего и слушающего). Она может представлять непосредственных участников акта коммуникации, а также лицо, предмет, событие и т.п., известное или очевидное для адресата сообщения, не нуждающееся в предварительном упоминании, и появляется обычно в прямой речи героев повествования. Ср.: A *usted* le tocó

la cajita, bueno, a *mí* él reloj de repetición (M. Azuela); *Esta crucecita, que ve usted abajo, la puse yo* (J. Goytisolo); *Ahora nuestra herencia se la ha llevado la trampa* (C. Laforet).

д) Тема, выражающая «новое», не обусловленное ни контекстом, ни ситуацией.

Новая тема регулярно встречается в начале литературных произведений, глав, абзацев и различных более или менее самостоятельных фрагментов текста. Использование референтного имени в качестве новой темы в начале литературных произведений является особым стилистическим приемом автора, позволяющим осуществить «динамический зачин» повествования, вводящий адресата сообщения (читателя) сразу «*in media res*» событий, при котором новая тема представляется как будто известная читателю, т.е. экзистенциальная интродукция вводимого объекта остается в области пресуппозиций. См., например, начало одного из рассказов К. Х. Селы: *Don Cristobita ha estrenado casa: cuatro habitaciones, todas exteriores, hall, cocina, baño, aseo de servicio y un armario empotrado en el pasillo* (C. J. Cela)

Более «логичными» в плане тематической организации текста при введении новой темы являются высказывания, имеющие сентенциальный характер, с наличием (фактическим или подразумеваемым) кванторных слов со значением всеобщности, которые «превращают предложения, содержащие неопределенные имена... в законченные утверждения» [6, с. 79], способные функционировать самостоятельно. Предложения-сентенции, сохраняя свой смысл даже при извлечении из контекста и ситуации, обладают большой степенью контекстуальной независимости и могут свободно, стилистически нейтрально, занимать не только начальную позицию в композиционно-тематическом строении текста, выступая в качестве зачина текста или его части, но и в середине некоторого фрагмента в качестве отступления или перехода к новой теме повествования. См., например, начало произведения: *Los españoles aguantamos difícilmente la ausencia de España* (J. Goytisolo); начало абзаца: *Todas las cosas son fatales, lógicas, necesarias; todas las cosas tienen su razón poderosa y profunda...* (Azorín, 1970); середину абзаца: *Valcedebro se levanta y no sabe lo que hacer en Olbena. Los románticos exaltaban el deseo; desparramaban exuberantemente su sensibilidad por las cosas. No llegaban nunca a la región donde se encontraban Salvadora y Valcedebro; la región más allá de los deseos* (Azorín, 1953).

В предложениях с новой темой, выраженной неопределенной дескрипцией, экзистенциальное введение «нового» имеет формальный показатель – неопределенный артикль в тематичной части. Такие предложения представляют своего рода логическое сокращение, передавая два вида логических отношений – экзистенцию и предикацию (характеризацию), при котором событийное предложение включает логически предшествующее ему экзистенциальное высказывание, определенные формальные признаки которого оно приобретает. «Такого рода логическое сокращение, – указывает Н. Д. Арутюнова, – позволяет неферентному имени (точнее, имени с экзистенциальным типом референции) употребляться в качестве темы сообщения» [7, с. 364]. См., например, высказывания: 1) *Allá, en la orilla, unas mujeres lavan y carmenan la lana* (Azorín, 1970); 2) *Un ayudante anunció la cena* (M. Asturias); 3) *Un ladrido remoto señalaba una aldea invisible* (M. Asturias), логическое содержание которых можно передать следующим образом: 1) *Allá, en la orilla, hay unas mujeres + Las mujeres lavan y carmenan la lana*; 2) *Apareció un ayudante + El ayudante anunció la cena*; 3) *Se oía un ladrido remoto + El ladrido señalaba una aldea invisible*.

Предложения с тематичным неферентным именем могут встречаться как в начале повествования (*Una muralla de piedra, negruzca y alta, rodeaba a Urbía* (P. Baroja, 1951), так и в середине некоторой части текста (*Pero sonó el timbre otra vez, y el español corrió a abrir, abandonando a su amigo. Un señor viejo deseaba ver a Julio* (B. Ibáñez, 1971).

По степени «данности», «известности» темы для адресата сообщения предложения всех указанных видов могут быть представлены в следующем порядке: наибольшей степенью «данности» обладают предложения с прямым упоминанием темы в предшествующем контексте и предложения с темой, не нуждающейся в предварительном упоминании, вследствие своей очевидности из ситуации речевого общения или общего фонда знаний участников акта коммуникации; затем идут предложения с косвенно упоминаемой в предшествующем контексте темой; с темой, извлеченной из содержания предшествующего контекста; с темой, производной от гипертемы всего фрагмента текста и, наконец, с темой, выражающей «новое», не обусловленной ни контекстом, ни ситуацией. Тема, предопределяемая гипертемой, т. е. заданная семантической общностью описываемой ситуации, обладает

значительной степенью «новизны»: являясь «данной» по отношению к гипертеме фрагмента текста, она представляет «новое» по отношению к теме предыдущего сообщения или сообщений, — поэтому она может быть выражена неопределенной дескрипцией: *Por los vidrios de la ventana se venan siempre iguales escenas... Un cura subía las escaleras... Un caballejo ... vencía despacio la cuesta... Algún escribiente de la notaria apretaba entre codos y costado un fajo de papeles... Una doméstica de la casa fronteriza se asomaba y escudía un tapete. Un ciego entonaba, plañendo, canciones verdes y jocosas...* (E. Pardo Bazán).

Понятие «темы» в другом отношении уже понятия «данного», так как элементы «известной» информации могут появляться в реме. Это характерно, например, для верификативных предложений, весь семантический состав которых является «данным, упоминаемым или имплицитруемым контекстом или ситуацией, а собственно «новым» предстает модальное значение истинности или ложности некоторого суждения, осуществленности или неосуществленности некоторой предполагаемой ситуации. См. примеры: *¿Zaragoza se rendirá? La muerte al que esto diga. Zaragoza no se rinde.* (B. Pérez Galdós, 1953); *Que venga la Lola. La Lola vino...* (C. J. Cela).

Рема предложений частно-верификативных типов, передающих логические отношения идентификации некоторого лица, предмета, также выражает «известное» для адресата сообщения, например: *Lo proclamaba el hermano de Margarita...* (B. Ibáñez, 1971); *Manuel se cansó de una discusión ... y dijo que se marchaba. Nos iremos nosotros también* (P. Baroja, 1965).

В этой связи Фр. Данеш отмечает важность различия двух аспектов «новизны»: 1) «новое» — в смысле не упоминаемое в предшествующем контексте и 2) «новое» — отнесенное как тема к реме, — и подчеркивает, что в высказывании коммуникативно релевантным является не только сама рема, но и ее связь с темой [1, с. 7]. Аналогичное замечание встречаем у И. И. Ковтуновой, которая пишет: «В строгом смысле новым в каждом высказывании является отношение между темой и ремой» [8, с. 44–45]. Таким образом, для коммуникативной задачи каждого высказывания имеет значение прежде всего то конкретное отношение, которое устанавливается в нем между тем, о чем в нем говорится (исходным пунктом, темой), и тем, что об этом говорится (ремой). Но то, о чем говорится не обязательно должно быть известно, а то, что говорится, не обязательно должно быть неизвестно.

Список литературы

1. Daneš, F. FSP and Organization of the Text. / F. Daneš // Functional Sentence Perspective: Papers Prepared for the Symposium held at Mariánský Lázně on 12–14th Oct. 1970. – Prague, 1970. – P. 1–32.
2. Halliday, M. A. K. The Place of “Functional Sentence Perspective” in the System of Linguistic Description. / M. A. K. Halliday // Functional Sentence Perspective: Papers prepared for the Symposium held at Mariánské Lázně on 12–14th Oct. 1970. – Prague, 1970. – P. 1–14.
3. Крушельницкая, К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения / К. Г. Крушельницкая // Вопр. языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55–67.
4. Севбо, И. И. Структура связного текста и автоматизация реферирования / И. И. Севбо. – М., 1969. – 134 с.
5. Литвиненко, А. С. Порядок слов в переводе на русский язык / А. С. Литвиненко // Учен. зап. МГПИИЯ. – 1953. – Т. VI. – С. 277–300.
6. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е. В. Падучева. – М., 1974. – 292 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М., 1976. – 386 с.
8. Ковтунова, И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский яз. и литература» / И. И. Ковтунова. – М., 1976. – 239 с.

Список источников

1. Asturias M. A. El señor presidente. – La Habana: Lex, (s.d.). – 380 p.
2. Azorín. El caballero inactual. – Buenos Aires: Espasa-Calpe Argentina, S.A., 1948. – 147 p.
3. Azorín. La ruta de don Quijote. – La Habana: Inst. del Libro, 1970. – 186 p.
4. Azorín. Salvadora de la Olbena. – Buenos Aires: Espasa-Calpe Argentina, S.A., 1953. – 145 p.
5. Azuela M. Los de abajo. – La Habana: Casa de las Américas, (s.d.). – 199 p.
6. Baroja P. Aurora roja. – La Habana: Ed. Nacional de Cuba, 1965. – 259 p.
7. Baroja P. Zalacaín El Aventurero. – Buenos Aires: Ed. Losada, S.A., 1951. – 71 p.
8. Blasco Ibáñez V. Los cuatro jinetes del Apocalipsis. – La Habana: Inst. del Libro, 1971. – 491 p.
9. Blasco Ibáñez V. La barraca. – La Habana: Inst. del Libro, 1973. – 196 p.
10. Cela C. J. Novelas cortas y cuentos. – Moscú: Progreso, 1975. – 302 p.
11. El cuento de la revolución. – La Habana: Inst. del Libro, 1975. – 379 p.
12. Goytisolo J. La chanca. – Moscú: Progreso, 1967. – 126 p.
13. Gallegos R. Doña Bárbara. – La Habana: Inst. del Libro, 1969. – 402 p.
14. Laforet C. Obras escogidas. V. I. Novelas. – Barcelona: Planeta, 1957. – 1343 p.
15. Pérez Galdós B. Zaragoza. – Moscú: Ed. de Lenguas Extranjeras, 1953. – 240 p.